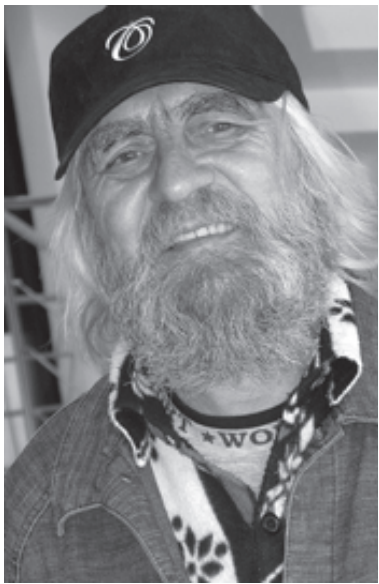

Новинка

С любовью, без ретуши

«Народное» издание вышло в свет

Книга «Коля» – литературный мемориал поэту, прозаику, публицисту Николаю Якшину – появилась на библиотечных полках города. Под одной обложкой объединены неопубликованные произведения Николая Васильевича, воспоминания о нём и стихи-посвящения.

Проект зовётся «народным» не случайно: его идея родилась спонтанно в группе «Магнитогорск литературный» в Фейсбуке. Инициатором издания книги выступил доктор филологических наук, профессор МГТУ Александр Власкин.

Было создано тематическое сообщество, посвящённое Николаю Якшину. Его участниками и Магнитогорским отделением Союза российских писателей собраны средства, которые и сделали возможным это издание.

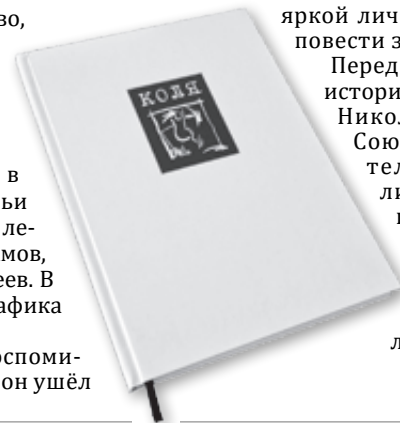
Вместе с Александром Власкиным в редколлегию вошли друзья поэта, чьи имена также вписаны в культурную летопись Магнитогорска, – Игорь Варламов, Владимир Некрасов, Александр Ерофеев. В оформлении книги использована графика Григория Голанда.

О Николае Васильевиче авторы воспоминаний говорят с любовью и болью – он ушёл

из жизни в 2011-м, и ощущение потери по сей день не утратило своей остроты. Но рассказали и о непростом характере поэта, о чертах, неудобных для окружающих, да и для самого Якшина. Конфликтный, бескомпромиссный, неприкаянный и до последних лет житейски неустроенный, он не был мэтром в академичном смысле слова, зато был яркой личностью, умел увлечь, повести за собой.

Перед читателем предстаёт история драматичной жизни Николая Якшина – члена Союза российских писателей и Союза журналистов СССР, лауреата премии имени Константина Нефедьева, самобытного поэта и настоящего подвижника на ниве литературы.

✍ Елена Лещинская

Воспоминания

Из архива «ММ»

Так или иначе

Году в две тысячи втором, кажется, на очередную встречу «Девяти первых» Николай Васильевич пришёл с куском ДВП в белом ламинате. Он в то время работал в мебельном цехе, кроил ДВП, и стихи к нему на рабочее место пришли без спросу, как это нередко водится. Бумаги-ручки под рукой не случилось, а случилась вот эта бросовая дощечка да синий карандаш. Якшин читал с дощечки в клубе. Если память не изменяет, были то «Якшиновы стихи» – одна из лучших, на мой взгляд, его подборок.

Тогда же, помнится, задаю я Николаю Васильевичу один вечный, ду-

рацкий графомано-читательский вопрос: «Ну как вы это делаете, Николай Васильевич?»

Потом он ответит – как. Ответит в рифму. В дальнейшем это стихотворение выйдет без названия, как и многое у Якшина. Но я-то помню, что изначальным вариантом заголовка был именно «Ответ». Ответ лично мне и заодно всем другим, кто задавал поэту тот сакральный идиотский вопрос: «Берётся жизнь – и делается дрянь. / Не кочерга, не свечка – посредине. / В бытующем болоте инь и ян / Играет пьяный Пан на мандолине. / Пересолить и перца не жалеть. / Перемешать и дать вскипеть до пены. / И ходиков пугающая клеть, / И самонабухающие вены... / А в землях ставит ногу великан, / Прожилкой дёрнет – руются столетья, / И опадают в дрогнув-

ший стакан / Глухие, как люмбаго, междометья».

Жизнь поэта – всегда так или иначе дрянь. Если смотреть на неё с точки зрения человека «нормального». Едва расставшись с отроческой заносчивостью («о, да, писать, оказывается, совсем просто: намешал выпрненной непонятницы – и вот ты уже как бы поэт!»), едва осознав всю безвкусицу рифмы «вечность-бесконечность», тут же с ужасом понимаешь: дальше – тот самый былинный камень.

И хоть направо,
хоть налево,
хоть прямо –
везде придётся
чем-то жертвовать

У тебя просто не спросят – отберут и всё. Если сам не отдашь, не уступишь заранее или быт свой налаженный, или respectable семейственность, или цепкую карьерную корысть. Потому что всё

это жрёт твои ресурсы, не оставляя заряда для той особой, слегка безалаберной молнии в голове, что заставляет хвататься хоть за папиросную коробку в ночи, хоть за дощечку в мебельном цехе, когда чёрт куда-то спрятал бумагу.

Поэт, особенно в России, почти всегда существует под каким-то невымыслимым косым углом к жизни... Впрочем, если подольше порассуждать в этом духе, есть риск слететь в неизбежные пошлость и пафос – уж кому-кому, а Якшина абсолютно чуждые. Более непафосного человека трудно себе представить. Он был одним из тех, кто, говоря словами Виктора Шкловского, «мог жить в спичечном коробке». И сам при этом был очень похож на весёлого и мудрого домашнего в своих свитерах, валенках и бороде. Естественно, его личный поэтический дом был сложен не из спичечных коробков. Это было очень обширное многомерное пространство. И хозяйничал там домовой Якшин легко и весело, соря ехидными искрами. Помню, как он впервые читал одно из моих любимых стихотворений: «Уже траву поцеловал мороз, / И осень пишет серебром по охре – / И чудно так, и, кажется, всерьёз – / Надгробье лету – ахать или охать? / Вот и старик... Его почти что нет. / Был так весом – стал легче полутени. / Скорее бы потусторонний свет, / Чем вслушиваться, как хрустят колени. / Земля стара. Елозит на оси / Заржавленной, привычно и устало, / В седилах облаков. А расспроси – / Не помню я. Не знаю. Не видала. / Надежды нет. Ну, разве как на то, / Что женщины к весне готовят грядки, / А девочки приносят под пальто / Набухшие любовью тетрадки».

Последние строчки Николай Васильевич тогда прочёл так: «А девочки приносят на лето / Набухшие любовью тетрадки». Да, девочкам с их несчастной слизистой лирикой, каковые в любом литобъединении всегда составляют печальное боль-

шинство, от Якшина доставалось как надо. Он умелой метлою выметал всё скучное, мёртвое, суемудрое, что совали ему под нос иные мученики стихотворной (да и прозаической) строки. Заслуженные подзатыльники от Якшина потом долго болили, и простить ему этого порой не могли. Зато и воодушевить он мог как никто:

– А ты просто представь, что не было и нет ничего: ни Пушкина, ни... России! Просто пиши и всё, будто ты один на свете, будто до тебя никто ничего не писал.

Рассказывайте, Николай Васильевич. Вы же и писали, и помню я вас наизусть – целыми подборками. Как не помню иных «маститых» и растиражированных. «Как часто невидных слышишь. / Как редко неслышных встретишь. / Живут себе тише мыши, / Откидывают вермишель. / Комар зудеть перестанет – / Какое успокоенье! / Неслышный уйдет неслышно / И будет звенеть в веках».

Вот уж кем-кем, а невидным и неслышным Якшин не был. Вспомним-ка его шептунью биографию, особенно тот её кусок, что пришёлся на 80–90-е. Якшину ничего не стоило взобраться на трибуну велеречивого литературного форума и взорвать его пристойно позевывающую атмосферу несанкционированным поэтическим залпом.

А стихи его о Магнитке! «До Магнитной горы / Песни долгие петь, / Да снегами скрипеть, / Да смеяться не сметь...» Многие не могли простить Якшину этих строк, их неприкрытого отчаяния и неприкрытой же искренности. Искренность – она вообще штука такая, труднопрощаемая. И в то же время – едва ли не самая драгоценная. Свидетельство тому – стихи Николая Якшина, которые так хочется перечитывать снова и снова.

✍ Екатерина Разумкова

Поэзия

Если дорога лежит на север...

***

вся эта жизнь, похожая на бегство,
вся эта грусть – как утлое соседство:
кирпичный рай, извечный переступ,
от бледной лампы тускло-жёлтый круг

вся эта жизнь – как медленное пламя,
ползущее за ветхими домами
сквозь долгий ряд невыезженных плах
в медвежьих замирающих углах

вся эта жизнь – бумажным самолетом...

***

если дорога лежит на север
и опять пролетает снег,
самое время вспомнить начало маршрута:
тучи, намокший клевер,
запах медленных рек,

солнце сквозь тучи,
клевер, бессмертник, рута –
травка такая – здесь она не растёт...
или растёт... не знаю... нет,
растет в Эльсиноре...

ты поднимаешь глаза на север,
на прошлый век,
на позапрошлый... будто в огромном горе
медленно произносишь что-нибудь о пути,
медленно оставляешь,
без всякой надежды вернуться,
на старых стволах зарубки,
и продолжаешь идти,
и снег пролетает, и травы сухие гнутся...

***

Нам обещали холода,
а следом – верные морозы...
Скажи, какая в том беда,
что мы живем без лютной прозы?

...Перчёный сумерками дом –
как бы в преданиях заветных

снежинок редких за окном
и девочек кордебалетных...

Запомни белые огни,
неприходящие морозы;
и тихо-тихо протяни:
– Не-про-ливаемые слезы...

***

Как осадок, когда зацветёт виноградник,
Поднимается вверх, и мутнеет вино,
И несбыточным кажется
простенький праздник,
Так и наша печаль невозможна давно.

Мелкий бес –
Айболит всех известных печалей –
Не смущает её разговором о нас.
Мы уедем, уйдём, утомимся, отчалим,
и взревёт нам вдогонку больной контрабас
про весну... Вот замена всех песен неспетых.

✍ Париса Сонина